

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

его своимъ плѣнникомъ, впрочемъ обѣщалъ ему не только пощаду, но и корону Мазендерана, если онъ будетъ служить ему вѣрнымъ проводникомъ въ странѣ *диоза*. Дѣйствительно, Ауладъ оказался вѣрнымъ проводникомъ: онъ сопровождалъ Рустема во время его битвъ съ дивомъ Арзенгомъ, съ Бѣлымъ дивомъ, съ царемъ Мазендеранскимъ, предупреждая его о предстоящихъ встрѣчахъ, и за это былъ Рустемомъ награжденъ по заслугамъ. Когда послѣдній, окончивъ свои подвиги, освободилъ царя Кейкауса, то просилъ его, чтобъ онъ *назначилъ* Аулада царемъ Мазендерана Кейкаусъ исполнилъ желаніе Рустема. (См. Mohl Livre des rois. I, pp. 415—418, 418).

Сходство разсмотрѣннаго эпизода курдской сказки съ эпизодомъ Рустеміады на столько близко въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, что въ заимствованіи курдами этого сюжета у персовъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Замѣчу кстати, что въ той же курдской сказкѣ встрѣчается птица Рокъ, соответствующая персидскому Симургу, покровителю Рустема (стр. 89), и Бѣлый дивъ (Deve Spi=перс. Deve Sefid)—самый страшный противникъ персидскаго Рустема. (стр. 98).

В. М.

Новые варианты сюжета о Полифемѣ (одноглазѣ) *).

а) Киргизскіе рассказы.

¹⁾ На восьмомъ археологическомъ сѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ 8—24 января 1890 года, между разными другими сообщеніями, докладъ В. О. Миллера былъ посвященъ выясненію кавказскихъ народныхъ сказаній о циклопахъ **). „Сообщеніе проф. Миллера,—сказано въ одномъ отчетѣ о засѣданіяхъ сѣзда,—было добавлено весьма интересными указаніями И. Н. Смирнова на подобныя же варианты, сохранившіеся въ вотскомъ эпосѣ: одноглазый и однорогий великанъ, Паласъ-муртъ, расщепливаетъ дерево и защемляетъ свою руку, по предложенію „Прошлаго года“. Учеремись тоже есть сказанія о богатыряхъ, которые прячутъ людей въ карманы“ ***).

Считаю съ своей стороны не лишнимъ передать содержаніе двухъ киргизскихъ рассказовъ на тему объ одноглазомъ циклопѣ, еще неизвѣстныхъ въ литературѣ.

Въ народныхъ киргизскихъ рассказахъ до сихъ поръ упоминаются разныя демоническія существа, вѣра въ которыя представляетъ собою остатокъ древней (шаманской) старины. Съ полною увѣренностью въ дѣйствительности существованія такихъ существъ и съ видимымъ страхомъ передъ ними, киргизы рассказываютъ о разныхъ встрѣчахъ своихъ съ *албасты*, *жезь-тырнакъ*, *уббе*, *жалмаузъ-кемтиръ*, *кюлдымийъ* и другими подобными существами. Рассказы объ этихъ существахъ до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность; только недавно Г. Миропіевъ напечаталъ въ запискахъ Императ. Русск. Геогр. Общества (т. X, вып. 3, С.-ПБ. 1888 г.) 27 рассказовъ киргизъ о разныхъ демоническихъ существахъ. Въ этихъ рассказахъ (№№ 10, 11 и 12) упоминаются *жезь-тырнаки*, особая челоѡкообразныя существа съ мѣдными когтями на рукахъ. Они живутъ на землѣ и рожаютъ дѣтей, а отъ кого—неизвѣстно. Повидимому, они ищутъ встрѣчъ съ мужчинами, и всякій разъ стараются обольстить ихъ и умертвить своими когтями. Въ чемъ кроется такая необъяснимая вражда *жезь-тыр-*

*) См. выше, стр. 102.

**) Докладъ напечатанъ въ „Этнограф. Обзорніи“, кн. IV; краткое изложеніе его см. въ отчетахъ о сѣздѣ, напр. „Занятія VIII Арх. Сѣзда“ (брош., напеч. по распоряж. Моск. Арх. Общ., стр. 135); „Журн. Мин. Нар. Просв.“, май 1890 г.

***), „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1890, май. Современ. лѣтопись: „Восьмой археологическій сѣздъ“, стр. 40—41.

наковъ къ людямъ, изъ напечатанныхъ разсказовъ не видно, и намъ не удалось выяснитъ это. Обыкновенно они встрѣчаются съ мужчинами гдѣ-нибудь вдали отъ человѣческаго жилья, въ глухой степи, притомъ ночью. Запоздастъ ли охотникъ въ степи, или путешественникъ расположится ночевать вдали отъ человѣческаго жилья, жезъ-тырнакъ принимаетъ видъ молодой красивой женщины, подходитъ къ расположившемуся около разведеннаго костра киргизу и, желая соблазнить его на предстоящую ночь, пристально смотритъ ему въ глаза, а кисти своихъ рукъ тщательно скрываетъ въ рукавахъ своей одежды. Откушавъ пищи съ обольщаемымъ путникомъ, жезъ-тырнакъ уходитъ отъ него до наступленія утренней зари. Но смѣтливый киргизъ догадывается, что соблазнительница—никто другой, какъ жезъ-тырнакъ и потому пользуется ея уходомъ, кладетъ на мѣсто предназначенное для сна обрубокъ дерева или камень, прикрываетъ его своей одеждой, а самъ отходитъ въ сторону; если же встрѣча произойдетъ близъ дерева, то киргизъ укрывается на деревѣ и поджидаетъ прихода опасной прелестницы. При наступленіи зари, жезъ-тырнакъ приходитъ и, принявъ закрытый одждою чурбанъ за спящаго киргиза, бросается на этотъ чурбанъ, пролизаетъ его своими мѣдными когтями и такъ крѣпко запускаетъ ихъ въ предполагаемаго мужчину, что ужъ бываетъ не въ состояніи высвободить ихъ. А подстерегающій жезъ-тырнака охотникъ стрѣляетъ тогда по ней и обрѣзаетъ кисти ея рукъ съ мѣдными когтями, которыя забираетъ съ собой домой.

Вотъ обыкновенная фабула киргизскихъ разсказовъ о жезъ-тырнакахъ. Объясненіе появленія ихъ на свѣтѣ и ихъ вражды къ мужчинамъ должны составлять задачу мѣстной этнографіи. Нужно предполагать, что въ отдаленномъ прошломъ у жезъ-тырнаковъ были какія-нибудь близкія отношенія къ людямъ: самый наружный видъ этихъ существъ ясно указываетъ на то, что они близки къ человѣку. Намъ, впрочемъ, приходилось слышать, что жезъ-тырнаки имѣютъ туловище человѣка, голову собаки, мѣдные когти на рукахъ и козлины копыта на ногахъ; когда жезъ-тырнаки хотятъ обольстить человѣка, то принимаютъ видъ молодой красивой женщины, у которой мѣдные когти всегда наготовѣ и позываютъ, когда она идетъ.

Въ какихъ отношеніяхъ находятся жезъ-тырнаки къ одноглазому циклопу, о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь, намъ не удалось хорошо уяснить себѣ. Изъ записаннаго г. Миропіевымъ разсказа (№ 12) видно, что одноглазый жилъ въ аулѣ и имѣлъ сына, котораго утащилъ у него медвѣдь. Одноглазый отецъ, по совѣту баксы, три года бродилъ по разнымъ мѣстамъ и въ поискахъ за сыномъ встрѣтился разъ съ барантачами и остановился съ ними ночевать въ степи. Когда ночью подошла къ нимъ неизвѣстная молодуха, то одноглазый тотчасъ же догадался, что это жезъ-тырнакъ, и совѣтовалъ своимъ товарищамъ бѣжать съ этого мѣста, боясь, что жезъ-тырнакъ умертвитъ ихъ всѣхъ. Но рѣшившись ночевать въ степи, одноглазый принявъ мѣры предосторожности: онъ наложилъ камней и накрылъ ихъ одждой, а самъ со своими спутниками спрятался. Въ полночь пришла жезъ-тырнакъ и начала искать одноглазаго. Подошедши къ камню, покрытому одждой, она бросилась на этотъ камень, впустила въ него свои мѣдные когти и завязила ихъ. Тогда спрятавшіеся юноши—барантачи выстрѣлили въ нее и убили ее, а одноглазый раздѣлилъ между спутниками золото, которое оказалось на тѣлѣ жезъ-тырнака.

Мнѣ привелось слышать разсказъ, въ которомъ также упоминается жезъ-тырнакъ и одноглазый; подробности этого разсказа представляютъ тотъ особенный интересъ, что напоминаютъ собой весьма художественный разсказъ Гомера о встрѣчѣ Одиссея съ циклопомъ Полифемомъ (Одисс. II. IX). Привожу этотъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ мною со словъ Утюгуна Малдыбаева, киргиза Шаръ-бахтынской вол. Лепсинскаго уѣз., аула № 10: „За Лепсой въ горахъ Чибинды жилъ—былъ киргизъ охотникъ; звали его Буранъ-батыръ *).

*) Это имя ясно указываетъ на стихійную природу богатыря. „Бураномъ“, какъ извѣстно, называется у киргизъ сильный вертящійся вѣтеръ, поднимающій съ земли столбы снѣга. *Авт.*

Каждый годъ, съ наступленіемъ весны, онъ забиралъ съ собой ружье (?) и уходилъ на охоту въ самыя отдаленныя и глухія мѣста въ горахъ и возвращался къ женѣ своей уже глубокою осенью, когда наступали холода. Однажды онъ замѣтилъ въ горахъ самку марала (олени) и застрѣлил ее. Около убитой самки оказался только что родившійся теленокъ, который всталъ на ноги и ушелъ въ лѣсъ. Тогда Буранъ-батыръ снялъ съ убитаго животного шкуру, разрѣзалъ мясо его на части, развелъ костеръ и сталъ жарить мясо на вертелѣ. Вдругъ на вершинѣ горы показалась красивая молодая женщина и закричала, что корова убита. Буранъ-батыръ, услышавъ этотъ неожиданный голосъ въ такомъ дикомъ пустынномъ мѣстѣ, удивился. Когда мясо изжарилось и онъ слѣлъ бѣсъ его около костра (день клонился уже къ вечеру), подходитъ къ нему красивая молодая женщина и слѣла противъ охотника, поджавъ одно колено подъ себя. Буранъ-батыръ не сводилъ глазъ съ женщины, а она съ него. Когда охотникъ уже добдалъ мясо, то воткнулъ одинъ кусокъ на ножикъ и предложилъ незнакомой женщинѣ. Она взяла кусокъ рукой, тщательно прикрытой рукавомъ одежды. Когда Буранъ сталъ глотать кости, она воскликнула: „Ахъ, алмазъ рѣжетъ алмазъ!“ (значеніе этого восклицанія мы не могли узнать отъ рассказчика). Покончивъ съ костями, Буранъ началъ вытирать руки о траву. Женщина увидѣла это и сказала: „сало саломъ обтираетъ!“ Послѣ этого она стала уходить отъ костра задомъ, т. е. не спуская глазъ съ охотника. Охотникъ подумалъ тогда, что это не простая женщина и, отрубивъ кусокъ дерева длиною и толщиною съ себя, положилъ его на приготовленную изъ травы постель и накрылъ своей одеждой, а самъ взлѣзъ на дерево съ ружьемъ и зорко слѣдилъ. Передъ разсвѣтомъ та самая женщина подошла къ постели сажени на три, а затѣмъ однимъ прыжкомъ бросилась на прикрытый одеждой отрубокъ дерева. Охотникъ услышалъ, какъ захрустѣло и затрещало дерево, и тотчасъ выстрѣлилъ въ женщину. Она подстрѣленная отпрыгнула и сказала: „не уйдешь ты, Буранъ, изъ нашихъ рукъ: кто-нибудь убьетъ тебя, либо отецъ мой, либо братъ, либо сестра,“ и умерла. Буранъ со страху не слѣзалъ съ дерева до наступленія утра. Когда разсвѣтало, онъ слѣзъ и подошелъ къ убитой. Оказалось, что у нея пальцы были мѣдные. По этому онъ догадался, что это была „джезь-тырнакъ“. Буранъ обрѣзалъ обѣ кисти ея рукъ, спряталъ ихъ въ карманъ и пошелъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ убилъ брата этой женщины. Осенью онъ возвратился домой, прозимовалъ съ женой вмѣстѣ, а весной опять собрался на охоту; обрѣзанные мѣдные пальцы онъ спряталъ въ сундукъ, тайно отъ жены, и сундукъ заперъ. Теперь онъ пошелъ на охоту съ товарищемъ вдвоемъ. Когда они ходили опять по горамъ, то увидѣли одинъ разъ много разнаго скота и старика-пастуха съ палкой. Буранъ подошелъ къ незнакомому старику, который стоялъ опершись на свою палку и опустивъ голову. Когда они поздоровались со старикомъ и старикъ поднялъ голову, то оказалось, что онъ былъ съ однимъ глазомъ на лбу. Одноглазый старикъ спросилъ охотника, кто онъ? и когда узналъ, что это былъ Буранъ-батыръ, старикъ сказалъ: „я давно васъ ждалъ, пойдемъ же ко мнѣ въ горы!“ Старикъ подвелъ ихъ къ горной пещерѣ, загналъ въ нее весь свой скотъ, и когда гости также вошли въ пещеру, одноглазый завалилъ входъ въ пещеру большимъ камнемъ. Ружья по приказанію старика они должны были оставить внѣ пещеры. Внутри перегородка отдѣляла помѣщеніе скота отъ помѣщенія самого старика. Расположившись на мѣстѣ, старикъ сказалъ своимъ гостямъ: „ну, теперь вы никуда не уйдете отъ меня; я лягу спать, а вы, по добровольному соглашенію, заколите одного изъ васъ и мясо его сварите въ этомъ котлѣ.“ Когда Буранъ-батыръ зарѣзалъ своего товарища и положилъ его мясо въ котель, тогда одноглазый подаль Бурану желѣзное остріе и сказалъ: „ты подкладывай огонь подъ котель, а самъ этимъ остріемъ пробуй мясо, и когда желѣзо покраснѣетъ, тогда ты разбуди меня.“ Мясо стало уже поспѣвать, а одноглазый заснулъ. Тогда Буранъ разжегъ до красна желѣзо на огнѣ и выкололъ единственный глазъ у старика, а самъ перепрыгнулъ черезъ перегородку и спрятался между животными. Одноглазый отъ боли проснулся и закричалъ: „ну, все равно, не уйдешь ты отъ меня, Буранъ! Завтра когда я стану выпускать изъ пещеры скотину, я

найду тебя!" Но Буранъ выбралъ самаго большаго козла, перерѣзалъ ему горло и, не отдѣляя головы и ногъ, снялъ шкуру и влѣзъ въ нее, такъ что голова, все туловище и копыта на ногахъ скрывали его обманъ. Утромъ старикъ отвѣдывалъ камень отъ пещеры, сталъ при выходѣ и, пропуская каждое животное между своихъ ногъ, ощупывалъ его. И Буранъ въ козлиной шкурѣ благополучно прошелъ между ногъ старика и вышелъ наружу. Когда всѣ животныя вышли, старикъ закричалъ: „ты гдѣ же, Буранъ, выходи!" Но Буранъ уже внѣ пещеры отвѣчалъ: „я уже здѣсь." Тогда старикъ съ отчаяніемъ воскликнулъ: „теперь я долженъ погибнуть, убей меня и возьми мой скотъ себѣ!" Сказавъ это, старикъ подставилъ грудь свою Бурану. Буранъ выстрѣлилъ и убилъ старика, но скотъ его не взялъ, потому что это были все дикія неприрученныя животныя. Потомъ Буранъ возвратился домой. По смерти одноглазаго старика, за скотомъ его никто болѣе не смотрѣлъ; разбрелись его животныя по горамъ и расплодился. Отъ нихъ-то и произошли разныя извѣстныя въ настоящее время дикія животныя: олени, куданы, архары и т. п.

И Буранъ батырь дожилъ наконецъ свой вѣкъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разсказалъ окружающимъ его людямъ всѣ свои приключенія и показывалъ имъ мѣдныя пальцы, отрѣзанные имъ въ разное время у жезъ-тырнаковъ. Кромѣ того, своей дочери онъ сказалъ: „я убилъ мать, дочь и сына жезъ-тырнаковъ, но мнѣ не удалось убить другую послѣднюю дочь, такъ ты берегись ея". Что было потомъ съ дочерью Буранъ-батыря—неизвѣстно: записанный мною разсказъ заканчивается смертью Бурана.

Другой разсказъ объ одноглазомъ циклопѣ доставленъ мнѣ ученикомъ VI класса Ташкентской классической гимназіи, Алиемъ Кутебаровымъ, киргизомъ, уроженцемъ Перовскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области. Вотъ этотъ разсказъ въ русскомъ переводѣ.

„Въ давно прошедшія времена жилъ ханъ. Онъ имѣлъ привычку охотиться на дикихъ звѣрей со свитою изъ 40 человекъ. Однажды ханъ, въ сопровожденіи 40 своихъ приближенныхъ и многихъ другихъ подчиненныхъ ему людей, выѣхалъ въ степь съ цѣлью потѣшить себя охотою на дикихъ козъ. Съ самаго утра до часа пополудни бродилъ онъ по степи, не встрѣчая ни одного звѣря, только около двухъ часовъ на краю горизонта, между высокими горами, показался столбъ пыли, при видѣ котораго ханъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ немедленно разузнать, что это за пыль. Будучи не въ силахъ отказаться отъ порученій хана, бѣдный слуга поскакалъ по указанному направленію. Не успѣлъ еще посланный отѣхать на разстояніе одной версты, какъ начала выдѣляться изъ этой пыли фигура всадника. Въ рукахъ онъ держалъ лукъ, на поясѣ у него висѣла дорогая сабля изъ хорошо закаленной стали; стрѣлы имѣли 60 локтей въ длину, и ими былъ наполненъ весь колчанъ. Скачетъ онъ прямо къ ханскому посланному, прицѣливаясь выстрѣлить во что-то. Въ ту же минуту передъ всадникомъ показалась дикая коза, съ бѣлымъ туловищемъ и черною головою. Коза эта ростомъ была съ лошадь, а рога у нея были изъ чистаго золота. Человекъ, гнавшійся за козой, пускалъ въ нее стрѣлы, но онѣ не могли свалить козу съ ногъ, хотя и попадали въ нее. Какъ только увидѣлъ посланный хана, то сейчасъ же повернулъ лошадь назадъ и началъ погонять ее изо всѣхъ силъ. Не смотря на то, что лошадь летѣла какъ птица, ему не доскакать до хана раньше козы. Еще издали завидѣвъ передъ собой скачущаго человека, коза впала въ невольный страхъ и своротила въ гору. Было около трехъ часовъ. Всадникъ, который гнался за козой, прискакалъ къ хану вмѣстѣ съ его посланнымъ. Не теряя времени, посланный началъ разсказывать все, что видѣлъ, а незнакомый охотникъ подтвердилъ его слова. Выслушавъ обоихъ, ханъ приказалъ дать сигналъ. По этому сигналу собрались всѣ провожатые хана. Онъ передалъ имъ то, что ему разсказали, и приказалъ гнаться за дикою козой. Небольшой отрядъ всадниковъ, предводительствуемый ханомъ, поскакалъ за козой. Благодаря своей многочисленности, отрядъ хана черезъ нѣсколько времени окружаетъ козу между высокими горами. Видя, что быстрота ногъ не спасетъ ее, она спряталась въ глубокомъ ущельѣ. Тогда незнакомый охотникъ, первый гнавъ-

шійся за козой, по приказанію хана, сошелъ съ лошади и, держа въ рукахъ лукъ наготовѣ, пошелъ искать ее въ ущельѣ. Все стараніе его найти козу оказалось тщетнымъ, тогда весь отрядъ сошелъ съ лошадей и усилилъ поиски. Пѣшіе они разсѣялись по склонамъ горъ, какъ муравьи; и самъ ханъ принималъ участіе въ поискахъ козы. Прошло такимъ образомъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, и толпа охотниковъ находить козу, скрывавшуюся въ ущельѣ. Пока не испугали ее, дали знать незнакому охотнику, который умѣтилъ ей стрѣлу прямо въ глазъ. Тутъ она, по волѣ Бога, испустила необыкновенно сильный стонъ; поверхность земли покрылась густымъ мракомъ, а вслѣдъ за тѣмъ поднялась страшнѣйшая буря, вслѣдствіе чего охотники потеряли другъ-друга и пошли блуждать врозь. Но ханъ вмѣстѣ съ своими 40 приближенными очутился совсѣмъ въ другой сторонѣ. Въ этотъ день до самаго заката солнца мракъ не разсѣивался. На слѣдующее утро пошелъ сильный дождь, послѣ чего погода утихла, пыль улеглась и мракъ разсѣялся. Ханъ увидѣлъ себя вмѣстѣ съ своими 40 приближенными и незнакомымъ стрѣлкомъ въ глубокомъ ущельѣ. Въ тотъ день они бродили съ утра до вечера и не находили ничего съѣстного; передъ самымъ закатомъ солнца, будучи не въ состояніи уже больше бродить, они едва добрались до подножія одной горы, чтобы отдохнуть. Тамъ они увидѣли множество козъ, пасущихся на свободѣ. При видѣ козъ, голодные охотники очень обрадовались и, говоря, что это Богъ оказываетъ имъ свою милость, направились къ козамъ. Козы, завидя приближающихся людей, убѣжали въ горы и тамъ скрылись въ ущельѣ. Ханъ созвалъ охотниковъ; они подошли и увидѣли пещеру, а изъ пещеры выходилъ дымъ. Тогда ханъ сказалъ своимъ спутникамъ: „теперь намъ грозитъ неизбежная гибель отъ голода; быть можетъ, мы спасемся, если войдемъ въ эту пещеру“. Спутники хана, считая слова его правильными, вошли въ пещеру. Тамъ жила какой-то великанъ. Охотники, изнуренные голодомъ, не обращая вниманія ни на что, начали ѣсть мясо, которое варилось въ котлѣ. Черезъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, охотники, утоливъ свой голодъ, начали осматриваться и увидѣли себя въ огромномъ домѣ. Домъ до того былъ великъ, что въ одной сторонѣ его находился одноглазый великанъ *) ростомъ и дородствомъ съ маленькую гору, а въ другой сторонѣ далѣе находились его бараны. Этотъ великанъ заразъ съѣдалъ по 40 барановъ. Когда пришли къ нему охотники, онъ спалъ, и когда всталъ, то не нашелъ ничего въ котлѣ, потому что все было съѣдено охотниками. Разсердился великанъ и, открывъ свой глазъ, увидѣлъ непрощенныхъ гостей, которые съ удивленіемъ разсматривали принадлежности дома. Тутъ одноглазый, не долго думая, схватилъ за ноги того охотника, который преслѣдовалъ золоторогую козу, ударилъ его о камень и, убивъ, началъ пожирать его. Сожравъ несчастнаго охотника, циклопъ приказалъ прочимъ зарѣзать 40 барановъ и сварить мясо ихъ въ котлѣ, при этомъ онъ объявилъ, что каждый день будетъ съѣдать по одному охотнику за то, что они долго преслѣдовали его золоторогую козу и даже вышибли ей стрѣлой одинъ глазъ. Такъ сказалъ великанъ и улегся у выхода. Охотники испугались угрозы великана и не знали что предпринять. Сначала они зарѣзали 40 барановъ и начали варить въ котлѣ ихъ мясо. Увидѣвъ это, великанъ заснулъ, думая, что охотники не уйдутъ никуда. Когда же раздался его храпъ, ханъ созвалъ своихъ людей на совѣщаніе, но всѣ 40 ничего не могли придумать. Тогда ханъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „что съ вами? вѣдь въ мирное время каждый изъ васъ казался достойнымъ быть правителемъ отдѣльнаго государства, а теперь вы и соединенными силами не можете придумать средства, какъ избавиться отъ одного великана. Но, друзья! мы такъ или иначе должны погибнуть, а пока есть время, надо рѣшиться на что нибудь. Я думаю, что каждый изъ насъ могъ бы, зарѣзавъ по барану и покрывшись его шкурой, выбраться отсюда, еслибы выколоть единственный глазъ у этого страшнаго великана“. Мысль хана всѣ одобрили и рѣшились попытать счастья. Между тѣмъ,

*) По киргизски: *беръ кюзи діу*.

пока великанъ спалъ, ханъ положилъ въ огонь желѣзный вертелъ, и когда вертелъ накалился, ханъ воткнулъ его въ единственный глазъ великана, находившійся у него на лбу. Отъ боли великанъ началъ орать и искать руками пришедшихъ къ нему охотниковъ. Но какъ онъ ни искалъ, не могъ найти никого, потому что всѣ, по совѣту хана, спрятались между баранами. Послѣ тщательныхъ поисковъ великанъ сказалъ: „все равно, вамъ не уйти отъ меня; если не сегодня, то послѣ, когда-нибудь, я поймаю васъ, а пока вы подождите“. Затѣмъ онъ опять заснулъ у дверей, а охотники, каждый выбравъ себѣ по большому барану, убиваютъ и сдираютъ съ нихъ шкуру дѣликомъ. На другой день они покрылись этими шкурами и стали вмѣстѣ съ баранами. Утромъ проснулся великанъ и отворилъ двери, чтобы выпустить барановъ на пастбище. Онъ сталъ у двери и началъ пропускать барановъ, предварительно ощупывая каждого рукой, чтобы охотники не ушли вмѣстѣ съ баранами. Такимъ образомъ онъ выпустилъ по счету всѣхъ барановъ и началъ говорить такъ: „Охотники, гдѣ вы? Идите сюда!“ А они кричали ему уже снаружи: „Эй, глупый, проклятый, мы здѣсь!“ Не будучи въ силахъ перенести подобную обиду охотниковъ, великанъ началъ кричать и наконецъ умеръ отъ досады, ударившись головой о стѣну. По смерти циклопа, охотники, завладѣвъ его богатствомъ, возвратились домой, и всѣ желанія ихъ исполнились. Есть у киргизъ изреченіе, оставшееся отъ древнихъ: „У хана умъ раняется умъ сорока человека“. По словамъ киргизъ Перовскаго уѣзда, изреченіе это появилось послѣ того, какъ съ помощью хана охотники избавились отъ одноглазого великана.

Н. Остроумовъ.

Гор. Ташкентъ.

3 Января 1891 года.

б) Алтайскій вариантъ.

Нѣкоторыя русскія сказки перешли къ тюркскимъ инородцамъ Алтая. Въ своей статьѣ „Сказка у Алтайскихъ инородцевъ“ (напеч. въ „Томск. Губерн. Вѣдом.“, 1883 г., № 15), покойный В. Вербицкій приводилъ слѣдующій эпизодъ изъ алтайской сказки объ Иванѣ Царидычѣ (Царевичѣ), представляющій вариантъ широко-распространеннаго сказочнаго сюжета о великанѣ людоедѣ. „Иванъ Царидычъ, возвращаясь изъ царства змѣй, увидалъ на дорогѣ дворецъ, вошелъ въ него и узналъ, что этотъ дворецъ принадлежитъ слѣпому ельбегеню (чудовищу-многоглавому великану). Хозяинъ хотѣлъ было схватить гостя и съѣсть, но Иванъ Царидычъ остановилъ его и, назвавшись лѣкаремъ, обѣщавъ вылѣчить его глаза. „Если ты мнѣ вылѣчишь глаза, я дамъ тебѣ большую награду“. Иванъ Царидычъ растопилъ кусокъ олова, связалъ ельбегеня желѣзнымъ арканомъ и влилъ лѣкарство прямо въ слѣпые глаза его. Ельбегень вскочилъ, разорвалъ желѣзный арканъ и началъ шарить-искать Ивана Царидыча. Но лѣкарь выбѣжалъ на дворъ. Ельбегень, смѣтивъ бѣгство врага своего, приказалъ воротамъ затвориться, и они затворились сами собою. Ельбегень началъ искать Ивана Царидыча по двору. Иванъ Царидычъ поймалъ овцу и, крѣпко ухватившись за нее, подсунилъ задъ ея подъ руки ельбегеня. Ельбегень схватилъ овцу и со словами: „моя же овца лѣзетъ на меня!“—швырнулъ овцу вмѣстѣ съ Иваномъ Царидычемъ черезъ заборъ. Иванъ Царидычъ, перекатившись чрезъ ограду, закричалъ ельбегеню: „Спасибо, ельбегень, что отпустилъ меня!“—„Ну, хитеръ же ты, Иванъ Царидычъ! За твою мудрость я передаю тебѣ свое счастье и силу, потому что я скоро умру. На, возьми!“—и бросилъ Ивану Царидычу бѣлый камень. Иванъ Царидычъ побоялся взять камень, но маленько задѣлъ его мизинцемъ. Камень такъ прицѣпился къ пальцу, что нельзя было оторвать его. Тогда ельбегень сказалъ: „Что, попался!“ Но Иванъ Царидычъ отрезалъ свой мизинецъ и убѣжалъ“.

Сообщ. М.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ
МЕДИЦИНА
НА 1893 (ПЯТЫЙ ГОДЪ).

Издание, посвященное всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены, выходитъ, въ объемѣ—2-хъ листовъ, а лѣтомъ 1-го листа, четыре раза въ мѣсяцъ; по слѣдующей программѣ:

- 1) Самостоятельныя статьи, лекціи и предварительныя сообщенія русскихъ авторовъ и переводныя статьи и лекціи иностранныхъ авторовъ по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отдѣламъ общественной и частной гигиены, эпидемиологии, судебной медицины и гистологии, а также по общей патологіи, фармакологіи, анатоміи, физиологии и патологической анатоміи.
- 2) Общие обзоры по различнымъ медицинскимъ вопросамъ.
- 3) Статьи по исторіи медицины.
- 4) Новости медицины изъ русской и иностранной литературы.
- 5) Статьи и замѣтки по народной, особенно русской медицинѣ.
- 6) Критика и библиографія медицинскихъ книгъ, статей, больничныхъ отчетовъ и изданій, могущихъ чѣмъ либо интересовать врачей.
- 7) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и о защитѣ диссертаций.
- 8) Научныя корреспонденціи, хроника и мелкія извѣстія объ ученыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, слухи и выдержки изъ газетъ, имѣющіе исключительно научный интересъ, а также правительственныя распоряженія, могущія чѣмъ либо интересовать врачей.
- 9) Частныя объявленія и публикаціи, за исключеніемъ рекламъ, о вновь вышедшихъ медицинскихъ книгахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Пр.-доц. В. А. Аафнасьевъ, Пр.-доц. А. И. Войтовъ, Пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, Пр.-доц. Н. О. Голубевъ, Проз. А. П. Губаревъ, Ир.-доц. Дохманъ, Проф. Г. А. Захарьинъ, А. Е. Корецкій, Проф. Ковалевскій, Проф. А. И. Лебедевъ, С. Михновъ, Пр.-доц. Мухинъ, Нечаевъ, Проф. Патенко, Проф. Подрезъ, Проф. Поспѣловъ, Проф. Л. В. Поповъ, Д. Д. Поповъ, П. М. Поповъ, Рудневъ, Проф. Скворцовъ, Проф. Снегиревъ, Проф. Тарновскій, Проф. Тумасъ, А. Тарановъ, О. К. Трапезниковъ, Проф. Шилтовъ, Проф. Ясинскій, Проз. А. В. Якобсонъ и другіе.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — Редакція: Гороховая, д. № 40.

Подписная цѣна за годовое изданіе пять рублей, съ доставкой и пересылкой шесть рублей.

Статьи высылаются въ Редакцію газеты «Медицина», С.-Петербургъ, Гороховая, д. № 40.

Оставшіеся экземпляры «Медицины» за 1889, 1890 и 1891 г. продаются, по четыре руб. Экземпляры 1892 г. по шести руб.

Редакторъ-Издатель Про. С. М. Васильевъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 апрѣля 1893 года.

М 69/50 30 608.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предѣлательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893.

губернских Тульской, Калужской, Орловской, Курской и друг.¹⁾, но съ рѣдкою (и не повсемѣстною) мѣною у и ѿ. Также теперь мы уже знаемъ кое-что о говорѣ сѣверо-западнаго угла губерніи, Касимовскаго уѣзда, который оказывается хотя не совсѣмъ такимъ, какимъ изобразилъ его Даль, но тѣмъ не менѣе очень любопытнымъ. Онъ, подобно своему сосѣду, говору Меленковскаго и Муромскаго уѣздовъ Владимирской губ., представляетъ смѣсь сѣверо-великорусскихъ чертъ, повидимому, въ немъ исконныхъ, съ чертами южно-великорусскими, заимствованными. Именно, въ немъ встрѣчается у вмѣсто неудараемаго о: за нявѣстуй, самауцкуй, ёлыцкуй (твор. ед., стр. 49), ѿ вмѣсто я при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: аеть, деда, въ есляхъ (стр. 24), мѣна ѿ и ѿ: крыишь, сицѣсь, ѿатыра, чарь (стр. 82—83), группа *ни* вмѣсто *ди*: вина—видно, два *ни* и т. п. (стр. 73), и рядомъ акаанье, не такое рѣзкое, какъ на югѣ губерніи (стр. 6), съ случаями употребленія глухого *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: гыстыла, сысваталъ (стр. 31), спорадическое у вмѣсто *ю*: у доми, у кучки (=въ кучкѣ, стр. 66), пристрастіе къ *х* и *ж* вмѣсто *щ*: Хилыпъ, Хвѣдаръ. Сверхъ того, въ говорѣ Касимовскаго уѣзда (въ Тумскомъ краѣ) отмѣчено опущеніе *е* между гласными: пріозють, деить=девать, дача, и замѣна *е* черезъ *й* передъ согласными и въ концѣ словъ: лайки=лавки, любой=любовь, пятрой день=петровъ. Затѣмъ, мы имѣемъ у г. Будде нѣсколько данныхъ изъ Егорьевскаго уѣзда, которые показываютъ, что въ немъ говоръ также рѣзко отличается отъ говора южныхъ уѣздовъ губерніи и, подобно касимовскому, имѣетъ мѣну *и* и *ѿ* (стр. 83).

Г. Будде сопровождаетъ приводимыя имъ данныя «язанскаго говора» историческимъ комментариемъ, не всегда удачнымъ, на которомъ намъ нѣтъ надобности останавливаться.

Книга г. Будде даетъ понять, какъ много интереснаго представляютъ нѣкоторые говоры великорусскаго центра, не удостоиваемые вниманія нашими наблюдателями, и какъ важно было бы имѣть о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія.

Кромѣ изслѣдованія, г. Будде помѣстилъ небольшой словарикъ мѣстныхъ словъ и 58 пѣсень (между прочимъ изъ Касимовскаго уѣзда). *А. Соболевскій.*

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1893 годъ. Воронежъ, 1892 года.

Настоящая «Книжка» не представляетъ большаго интереса. Она заключаетъ въ себѣ «Статистическій обзоръ Воронежской губерніи за 1891 годъ», съ подробными свѣдѣніями о народномъ образованіи въ Воронежской губерніи за 1891 г., обработанными г. Дикаревымъ, и съ приложеніемъ тринадцати статистическихъ таблицъ и алфавитнаго списка церковныхъ приходовъ Воронежской епархіи (здесь показаны число душъ въ приходѣ и количество церковной земли).

Далѣе въ «Книжкѣ» слѣдуютъ слѣдующія статьи:

«Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета», г. Воскресенскаго²⁾. Комитетъ, учрежденный въ 1835 г., первые годы провелъ въ полномъ бездѣйствіи и въ 1853 году даже не могъ дать отвѣта на запросъ: были-ли въ немъ когда-нибудь засѣданія и составлены ли журналы? Только съ 1853 г. началась дѣйствительная жизнь Комитета, а въ 1856 г. вышла первая воронежская «Памятная книжка».

«Разрушеніе почвенныхъ покрововъ», г. Щербини. Здесь указывается на послѣдствія нерасчетливыхъ распахивъ и нерациональнаго истребленія лѣсовъ въ Воронежской губерніи.

«Вселеніе крестьянъ изъ Воронежской губерніи въ 1874—1892 годахъ», г. Бычковскаго.

¹⁾ О немъ см. «Очеркъ русской діалектологіи» (Живая Стар. 1892 г. вып. I).

²⁾ Перепечатано съ замѣненіями и дополненіями изъ книги «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Томъ I, стр. 523 и слѣд.

«Статистическія данныя для характеристики торговли г. Воронежа за 1874—1891 годы», г. Сверчкова.

«Кольцовъ какъ народный поэтъ», Е. Маркова.

«Старая Донская пустыня и Донецкій казачій городокъ», Е. Маркова. Здесь описывается слобода Монастырщина, расположенная на самомъ краю Богучарскаго уѣзда, въ 7—8 верстахъ отъ Земли Войска Донскаго, на мѣстѣ донскаго Верховаго городка, и приводится рядъ историческихъ данныхъ.

«Валуйская старина. Валуйскій Пристанскій монастырь по разрядной описи XVII вѣка», г. Федяевскаго. Текстъ книгъ описныхъ Валуйскаго Пристанскаго монастыря 1641 года.

«Воронежскія древности (статистическія данныя о находкахъ древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ Воронежской губерніи съ 1863 по 1893 г.)», г. Зибрева, со снимкомъ издѣлій. Объ одной кремневой стрѣлѣ разсказывается, что она принадлежала старухѣ знахаркѣ, которая ее употребляла для лѣченія болѣзней, прикладывая къ больному мѣсту.

«Холерная эпидемія въ Воронежской губерніи въ 1892 году», г. Зарянка.

Н. Т.—овъ.

Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы, вып. II. Народныя сказки сартовъ. Ташкентъ, 1893.

Средняя Азія, поле столь многихъ и великихъ событій, не можетъ быть названа забытою странкою. Изъ глубокой древности идутъ о ней извѣстія и тѣмъ ближе къ нашей эпохѣ, тѣмъ все больше и больше. (Ср. «Карманная книжка для любителей землѣдѣнія, изд. И. Р. Г. О.» 1848 г. ст. Савельева «Средняя Азія»). Особенно плодотворнымъ для изученія ея было время русскихъ завоеваній въ Туркестанѣ. Новая, малоизвѣстная для русскихъ страна обратила на себя живѣйшее вниманіе, возбудила оживленный интересъ къ своему историческому прошлому, къ своему внутреннему строю, своимъ насущнымъ потребностямъ. Не смотря на всѣ неудобства полуоходной обстановки не по днямъ, а по часамъ росла литература статей, брошюръ, отдѣльныхъ сочиненій о вновь завоеванномъ краѣ. Мерзловъ насчиталъ, не рючаясь еще за полноту, до 3000 статей и цѣльныхъ сочиненій о Средней Азіи за 10 лѣтъ нашего владычества въ краѣ. «Этотъ край былъ изслѣдуемъ и описанъ въ всевозможныхъ отношеніяхъ и быть можетъ извѣстенъ намъ болѣе, чѣмъ, напр., наши сѣверныя губерніи или Сибирь, которые однакоже принадлежатъ Россіи нѣсколько столѣтій» («Туркестанскій Сборникъ ст. отн. до Ср. Азіи вообще и турк. края въ особ.» Предисловіе.). Второе десятилѣтіе нашего пребыванія въ краѣ какъ будто оостудило энергію, любознательность притупилась, явилось дряблѣе уныніе, жизнь заполонили мечи личнаго существованія. Такъ скоро оживленіе первой военной обстановки, увлеченіе новизной смѣнилось затѣньемъ стоячаго болота. Но и на этомъ болотѣ иногда блуждали огоньки.

Печатный станокъ совершенно не ослабѣвалъ—продолжала выходить, хотя съ меньшимъ содержаніемъ, газета «Туркестанскія Вѣдомости», издавались «Труды Сыр-Дарьинскаго областного статистическаго комитета», нынче переименованные въ «Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыр-Дарьинской области», существовали, конечно, ежегодные официальные обзоры областей Туркестанскаго края. Въ общемъ, казалось бы неумѣстнымъ жаловаться на бѣдность литературы по Средней Азіи вообще и нашихъ въ ней владѣній въ частности и однако этнографъ ея неудовлетворенъ. Просмотрите огромные систематическіе указатели Мекова, переберите всѣ статьи въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», въ статистическихъ сборникахъ—много-ли тамъ собственно этнографическаго матеріала? Два-три очерка наиболѣе выдающихся пунктовъ (напр. «Азіатскій Ташкентъ» Маева), нѣсколько пословицъ, загадокъ и затѣмъ столь обманчивая (если судить о богатствѣ литературы по количеству названій соч.) масса путевыхъ замѣтокъ—все это впечатлѣніе глаза, случайный матеріалъ, а не систематическое изученіе края по опредѣленной

программѣ, съ серьезной цѣлью—не развлечь читателя легкимъ наброскомъ чего нибудь любопытнаго, а самымъ впечатлительнымъ детальнымъ изученіемъ края уяснить себѣ настоящую основу его быта, вѣрованій, вообще—жизни. Вѣдь важность такого изученія не только для науки, но и для нашей жизни и дѣятельности въ край стала общимъ мѣстомъ. Чтобы это сознание не оставалось лишь на словахъ, а переходило бы въ дѣло, нужна чья-либо инициатива. Ее, кажется могла бы на себя взять школа. Такъ мы думаемъ во 1-хъ, имѣя въ виду примѣръ кавказскаго учебнаго округа. Не можемъ не привести слѣдующихъ весьма основательныхъ соображеній. «Управление Кавказскаго учебнаго округа признало полезнымъ, сверхъ указанія цѣлесообразнаго исполненія народными учителями прямыхъ обязанностей, обратить ихъ вниманіе на возможно всестороннее изученіе ими тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ и гдѣ сосредоточена ихъ дѣятельность. Это изученіе, составляя серьезное и весьма полезное занятіе безъ всякаго сомнѣнія, возбуждитъ во многихъ изъ нихъ интересъ къ наблюденію природы и, имѣя значеніе умственно-освѣжающаго труда, окажетъ благотворное вліяніе и на педагогическую ихъ дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ. Оно не только будетъ служить къ огражденію учителей отъ апатіи, ложнаго на- правленія и увлеченій вредными посторонними вѣнненіями, но и къ поддержанію ихъ на уровнѣ полученнаго ими образованія и дальнѣйшему самосовершенствованію. Кромѣ указаннаго значенія лучшія работы учителей и учительницъ по описанію разнообразныхъ мѣстностей Кавказа могутъ со временемъ представить хорошій матеріалъ для описанія цѣлаго края». («Матеріалы для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа», изд. Упр. К. Учеб. Окр., вып. I. Пред. II—III).

Всѣмъ интересующимся этнографіей Кавказа извѣстно, какіе богатѣйшіе плоды принесло это начинаніе.

Нашимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія, что школа должна дать импульсъ къ болѣе систематическому изученію края, служатъ этнографическіе матеріалы о Сартяхъ» Н. П. Остроумова, къ которымъ мы теперь и переходимъ. Н. П. Остроумовъ, директоръ классической гимназій въ Ташкентѣ и редакторъ «Туземной Газеты», давно уже занимается выдѣленіемъ спеціально этнографическаго матеріала изъ нашихъ свѣдѣній о Русской Азій. такъ, кромѣ мелкихъ статей и замѣтокъ въ «Запискахъ вост. отд. имп. русск. арх. общества» (напр. т. II, в. III; т. VII и др.), въ «Этнограф. Обзорніи» (кн. II) ему принадлежатъ «Пословицы туземнаго населенія Туркестанскаго края» и «Сарты», вып. I (1890), II (1893). Сложная прямая обязанность не позволяютъ Н. П. Остроумову съ достаточною внимательностью разобраться въ издаваемыхъ матеріалахъ да и самъ матеріалъ этотъ не такого свойства, чтобы легко было его обобщать, дѣлать изъ него выводы—вотъ гдѣ оправданіе отъ нападокъ, сдѣланныхъ на 1 выпускъ «Сартовъ», и объясненіе тѣхъ недочетовъ, которые могли бы найтись въ предисловіи ко 2-му выпуску. Новѣйшія заключенія можно легко отбросить, матеріалъ же, собранный какъ самимъ г. Остроумовымъ такъ и другими подъ его руководствомъ, останется навсегда цѣннымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу Азій. Желательно только выполненіе одного существеннаго условія меньше случайности, больше системы, а то напечатанный въ сборникъ 26 сказокъ набраны чуть не со всѣхъ мѣстъ края, какъ будто бы для характеристики сказки, гдѣ ее сказываютъ—въ Ташкентѣ, Самаркандѣ или Кокандѣ и Наманганѣ, а о нѣкоторыхъ сказкахъ и совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ и съ чьихъ словъ онѣ записаны (напр., 21, 22, 24). Есть одна интересная особенность въ сборникѣ этихъ сказокъ именно, что онѣ всѣ записаны народными учителями или учениками Ташкентской гимназій. Фактъ очень важный, на которомъ мы, какъ выше было сказано, основываемъ наши надежды на болѣе систематическое и внимательное изученіе края. Отчего бы и здѣсь въ Туркестанѣ, какъ то сдѣлано на Кавказѣ, не поощрить учителей къ изученію мѣстной природы и жизни отчего бы лѣтомъ не устроить учебныхъ экспедицій въ разныя мѣста? Ташкентская гимназія—одна на весь край, составъ ея пришлый изъ трехъ областей, на лѣто всѣ разбѣгаются изъ Ташкента. Вотъ бы и снабдить болѣе взрослыхъ программами и указаніями, какъ изучать то, что насъ окружаетъ—сколько бы матеріалу навезли они къ осени! Для такой работы нужны лишь охота наблюдательность да терпѣніе, качества, которыхъ достаточно въ молодежи. Языкъ же мѣстный, какъ мы сами знаемъ, понятенъ огромному

большинству учениковъ гимназій ¹⁾ То же, еще въ большой мѣрѣ, применимо и къ ученикамъ Семинаріи.

Мы не считаемъ этотъ планъ неисполнимымъ, п. ч. первые шаги сдѣланы уже въ сборникѣ Н. П. Остроумова.

Дружите только надо приняты за работу! Не трудно работать, когда знаешь, какъ сладки будутъ плоды этой работы.

Перехода теперь къ самымъ сартовскимъ сказкамъ мы прежде всего остановимся на вопросѣ о сказочникахъ. Очень жалъ, что г. Остроумовъ, поснятивъ 5 страницъ предисловія выпискамъ о сказкахъ самаго общаго характера изъ Афанасьева, К. Аксакова, Котляревскаго, Пыпина, Вуслаева, Порфирьева, Галахова, только слѣдующія строки удѣлилъ сказочникамъ «Въ осенніе и зимніе вечера богатые и бѣдные сарты составляютъ особня товарищества (джура), въ 10—30 человѣкъ, вносятъ условленную сумму и собираются въ извѣстномъ (чаще нанятомъ) помѣщеніи, чтобы за общей трапезой послушать пѣвца или рассказчика (приячки)» (Пред. XII) О спеціалистахъ—пѣвцахъ мы имѣемъ достаточно свѣдѣній—дѣйствительно безъ «ойланчей (ульгѣнчи) у киргизъ, Радловъ. Образцы ч. V (Этн. Об. 1889, кн. III) «амиковъ» на Кавказѣ («Сб. мат.» XIII стр. XXXIV, 109 изд.), «геуаковъ» у татаръ горцевъ («Сб. мат.» I. отд. II стр. IV), «гафизовъ» у сартовъ не обходится никакой общественной или семейный праздникъ—мы сами не разъ заслушивались этихъ пѣсенъ, часто оч. трогательныхъ, всегда поэтическихъ, но сказочниковъ, да еще въ собраніи, не слышали. Впрочемъ, въ параллель къ вышеприведенному можемъ сообщить одно кавказское обыкновеніе. «По вечерамъ ал-махинскіе молодые люди собираются въ чью-либо саклю, на другой день въ другую, на 3—въ 3 и т. д., пока очередь не дойдетъ опять до первой. Тамъ они поютъ пѣсни, пляшутъ разговариваютъ и внимаютъ рассказамъ стариковъ, преданіямъ и сказкамъ». («Сб. свѣд. о кавк. горц.» VIII стр. 21) Жизнь вездѣ сплетается изъ хорошаго и дурнаго и въ человѣчествѣ всегда будетъ жить стремленіе уйти изъ узкой сферы будничныхъ интересовъ въ широкій міръ, гдѣ легче дышется, свободѣе достигается цѣль, въ міръ поэтическаго вымысла, гдѣ все такъ необычно и красиво. Мы ничуть не сомнѣваемся въ существованіи у сартовъ сказокъ, въ любви сартовъ къ сказкамъ, но желали бы знать отъ собирателей кое-что о разсказывающихъ сказки, (о мѣстѣ ихъ жительства, о степени образованности и т. п.) Что касается самихъ сказокъ, то намъ приходится пока ограничиться предварительной описательной работой, п. ч. для выполненія истинной задачи этнографіи—истолкованія явленія—нужно нѣсколько болѣе матеріала, чѣмъ 26 изданныхъ сказокъ, да и больше эрудиціи въ этой области науки, чѣмъ какая есть у насъ. Матеріалъ, предлагаемый данными сказками, чрезвычайно разнообразный—съ одной стороны онъ намъ кажется давно знакомымъ, съ другой—мы здѣсь находимъ много оригинальнаго, своеобразнаго. Выдѣлимъ то и другое. Въ каждой почти сартовской сказкѣ мы находимъ что нибудь знакомое намъ изъ русскихъ или европейскіхъ сказокъ—прекрасная царевна, смѣлая юноша, ищущіе ихъ руки, чудовища, какъ. препятствія на пути къ извѣстной цѣли, чудесныя средства для побѣды надъ всѣми препятствіями—яблоко, коверъ-самолетъ, гребенки, полотенца, шкатулки, вѣщи птицы, оборотни... Есть нѣкоторые общія подробности такъ сказать традиціонныя, нѣкоторые обыкновенные эпические приемы напримѣръ, изъ 3-хъ братьевъ непременно 3-й считается дуракомъ, въ презрѣніи старшихъ, на дѣлѣ же оказывается всегда торжествующимъ побѣдителемъ, великодушнымъ ²⁾. При самомъ отправленіи на подвиги герою встрѣчаются 3 дороги съ надписью относительно того, кто по нимъ поѣдетъ (ср. 55, стр. 104 и др.), затѣмъ, возьмите числа въ сказкахъ—40 положительно преобладаетъ, изъ другихъ мы

¹⁾ Теперь уже не мало среди гимназистовъ природныхъ туземцевъ.

²⁾ Ср. стр. 52. «Этотъ 3-й парскій сынъ только у своихъ домашнихъ и въ народѣ считался за дурака, а на самомъ дѣлѣ былъ умный юноша, умѣвший говорить чуждымъ и писать на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Научившись многому царевичъ не любилъ однако выставлять свои знанія на видъ и хвастать ими, а больше молчалъ и потому считался дуракомъ».

играет волк то на службе у Дива (58), то как пожирающий птенцов Симрака (70), то чаще как помощник сказочных героев, которых он перевозит на себя через моря и земли, предупреждает в опасности, спасает благодаря своему оборотничеству (104, 109, 114, 116 стр.). Из прочих животных мы встречаем собаку, из охотничьих пород (11, 124), или обыкновенную, со своим постоянным атрибутом — вёрстки человека (73); лисицу, как всегда, хитрую и ловкую (18); оленя быстрого, привлекающего охотника в глубь леса (34, 46); обезьяну (93), осла (95), тигра (97), козу (98) — в них превращаются те или другие сказочные персонажи, упоминаются быки, верблюды как выюжные животные, бараны, как главная пища на пирах и в свободное время. Из птиц, кроме Симурга, мы здесь встречаем цаплю (32), попугая (38, 128, 129), сокола (39, 98), орла (80) — все они помогают сказочным героям достичь своей цели, то перенося их с неимоверной быстротой, куда угодно, то открывая им судьбу и давая средство предотвратить ее и т. п. В голубя преимущественно обращается женщина при помощи чародейственной силы (80); в наказание одна царица была превращена в курицу (70). Из рыб упоминается рыба-чудовище, проглатывающая людей и животных (19, 20, 80), в сказке «Царевна и Попугай» говорится о рыбе в 110,000 пудов, которой принадлежала земля» (129 стр.), есть и золотая рыбка в искусственном водоеме (21). Из растений нужно отметить мятисы — чинары (70, 155), карагач (144), урюк (141), тутовое дерево (96), тополь (21, 92) и безымянные большие деревья. Цветы всегда упоминаются как необходимейшее украшение садов (75 и пр.). Естественно многие растения играют роль целебных — так один Индеец в сказке «о богатых Атаметов»¹⁾ излечивает больного, которому черви развели ухо, распаренной на огне веткой (74), растениями как лекарствами пользуются и знахари (ск. XXVI).

Все вышесказанное можно считать отголоском языческой старины, остатком от доисторической эпохи, первобытная основа втравки продолжает жить часто под другим именем и при более реальной обстановке, но есть и совершенно новые черты, главным образом под влиянием ислама действующего как через школу и грамотность, так особенно благодаря вонзам и модам — разказчикам в строго мусульманском духе. «Под влиянием ислама, говорит издатель сказок, произошла в народных сказках сартов замена древних чудовищ дьяволом (шайтаном), равно как явились представления о разных догматических, обрядовых и бытовых особенностях мусульманской жизни: совершение намаза, месяц Рамазан, отвращение к свиньям и пр.» (Пред. XI). Нам кажется, не указано здесь одно из могущественнейших влияний мусульманства — отношение к Аллаху, его святым и родившим. В критическую минуту герои не раз обращаются к нему с молитвой и немедленно получают помощь (особ. сказка XIV, VII, 112—XXXI, 149 и др.); одним из добрых пожеланий героя является «да сохранит тебя Аллах» (58 и пр. и пр.). Сказка не пёсна, из которой ничего не выкинешь, не изменишь, потому что с этим мняется ее разрыв, и нечего удивляться, что в сартовских сказках отразился ислам; в некоторых случаях мы склонны даже видеть влияние русской жизни и быта — так в III сказке девушка просит мать выдать ее замуж в такое царство «где по закону, у мужа только одна жена и где все женщины и девушки ходят с открытым лицом» (15) к этому же влиянию должно, к несчастью, отнести и ведро воды, которая, появившись в действительной жизни туземцев, перешла и в сказки (157) и др. Но дорожке всего для этнографа отражение в сказках настоящего быта условно, в которой сказка вращается. Такого материала сартовских сказок дают много — не выбирая его с мелочной тщательностью мы лишь укажем на прекрасные сады, лучшее украшение азиатских городов (21, 44, 102, 117 и др.), чай-ханы, любимое место времяпрепровождения туземцев (55), шатры, в которых разост-

¹⁾ Интересна сказка. Не рѣшаясь заняться ею специально, укажем мимоходом на сходство ее начала с 3 новеллой X дня Декамерона Боккаччо.

ланы ковры (15), из одежды — халаты, тюрбейки, чиги; из пищи — палау, лепешки, баранина, шурпа; питья — чай, кумыс; затѣмъ разнаго рода мѣстные фрукты — виноградъ, яблоки, дыни, арбузы, урюкъ, персики (81), курятъ чилимъ (126), анану (92). Рядомъ съ этими внѣшними условіями жизни сартовъ въ сказкахъ отражаются мѣстами и нѣкоторыя особенности ихъ внутренняго быта — бракъ, отношенія членовъ семьи, общественное управленіе, система наказаній (напр. привязываніе виновныхъ къ хвостамъ дикихъ лошадей 65, 101, 104 и др.), ежедневныя занятія и развлеченія и пр. и пр.

Несомнѣнно, что чѣмъ больше будетъ издано сартовскихъ сказокъ, тѣмъ больше сторонъ въ жизни сартовъ откроется — надо только торопиться съ собираніемъ, потому что и здѣсь жизнь подчиняется закону непрерывнаго измѣненія, и здѣсь искусственная словесность заглушаетъ непосредственное народное творчество, догматы ислама становятся на мѣсто языческихъ суевѣрій.

А. Липовскій.

Записки товариства імени Шевченка. Видавництво, присвячене науці і письменству українсько-руського народу. Випорядкував др. Юліян Целевич. Частина I. У Львові. 1892.

Обществу имени Шевченка предшествовало литературное общество «Просвита» (с 1868 г.) имѣющее цѣлью распространение просвѣщенія среди народа, а также издаваніе литературныхъ и научныхъ книгъ и учебниковъ. Однако, сама по себѣ задача просвѣщенія народа оказалась слишкомъ широкой и трудной, и общество «Просвита» не могло съ успѣхомъ выполнить вторую часть своей программы: изданіе научныхъ и литературныхъ трудовъ. Ее приняло на себя «Общество имени Шевченка», получившее свое начало въ 1873 г., благодаря энергіи немногочисленныхъ (девяти) дѣятелей науки и литературы. Обществу на первыхъ же порахъ удалось на пожертвованныя суммы завести свою типографію. Типографія принесла огромную пользу мѣстной литературѣ, такъ какъ печатала по умѣреннымъ цѣнамъ и предоставляла кредитъ издателямъ. Въ 1886 г. проф. Портицкій передалъ обществу журналъ «Зоря», издающийся до сего времени. Кроме того, общество издало: «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache» — проф. Огоновскаго, его же Исторію русской литературы — 4 тома, повѣсти Левицкаго, Подоленка, Чайченка и пр. Затѣмъ едва-ли не все періодическія изданія и учебники для гимназій, печатаются въ той же типографіи. Тѣмъ не менѣе, общество имени Шевченка далеко еще не можетъ сравнить свою дѣятельность съ дѣятельностью другихъ славянскихъ ученыхъ обществъ въ Австріи носящихъ названія академій. Администрація и финансовая сторона отнимаетъ слишкомъ много времени, литературно-научные отступили на второй планъ. Между тѣмъ для того, чтобы общество стало на самомъ дѣлѣ центромъ и свѣточемъ литературнаго движенія въ австрійской Руси, необходима новая его организация. Шестое общее собраніе общества (въ мартѣ 1892 г.) положило начало новой эпохѣ въ исторіи общества. Рѣшено было переименовать общество въ «Науковое товариство имени Шевченка», представить на утвержденіе правительства одобренный общими собраніями новый уставъ. *Ученое общество имени Шевченка* должно имѣть заботу о развитіи науки на украинско-рускомъ языкѣ, искусства, собирать и охранять памятники старины. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: филологическаго, историко-философскаго и отдѣла наукъ естественныхъ, математическихъ и медицинскихъ. Члены общества дѣйствительные вносятъ 2 рубля одновременно и по 3 р. ежегодно, члены-учредители одновременно 50 р. Общество предприняло изданіе «Записокъ», первый томъ которыхъ передъ нами.

Въ небольшой, но изящно изданный, томъ вошла прежде всего статья О. Я. Кошисскаго «Дѣтство Т. Г. Шевченка», историко-біографическій очеркъ, переведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ 3 № «Русской Мысли». Въ очеркѣ, написанномъ съ замѣчательной теплотой и талантливо, объединены новыя свѣдѣнія о жизни великаго поэта. Обстоятельная статья *Александра Колесса* «Украинскія народныя пѣсни въ